

Не стоит слишком серьезно воспринимать самокритичное признание Бертольта Брехта, что он «важнейший недоросленец». Лучшее всего его опровергает недавно изданный научным сотрудником архива Брехта при Академии искусств ГДР Гюнтером Глезером объемистый том его писем за период 1913—1956 гг. (отдельную книгу составляют комментарии, составленные также Г. Глезером). В том 887 писем, а ведь это всего лишь треть известного на сегодняшний день эпистолярного наследия крупнейшего теоретика и практика социалистического искусства XX столетия. Выбрать из этой массы не только художники, актеры разных стран. Од-

ной публикации — задача непростая. Еще сложнее в нескольких строках переписать круг отраженных в переписке тем и проблем, на протяжении всей жизни волновавших художника, не говоря уже о событиях времени.

Покинув Германию сразу же после прихода Гитлера к власти, Брехт за годы изгнания исколесил полмира, пробыл обосноваться в Дании, Швеции, Финляндии, Америке, Швейцарии и нигде не находя покоя, постоянно терзаясь мыслями о родине. Адресаты его писем — известные деятели культуры: писатели, режиссеры, художники, актеры разных стран. Од-

ним он пытается открыть глаза на преступления фашизма, других — объединить для борьбы с ним, привлечь колеблющихся, ободрить терпящих веру, заставить инертных. Он и произведения своим рассматривает как оружие в борьбе, он словно бы прицеливается — прикидывает, как и где оно окажется наиболее эффективным. С тревогой и надеждой неустанно следит за событиями на фронтах мировой войны, понимая, что истинный оплот мира на земле — Советский Союз. В дневнике от 27 октября 1941 года записывает: «Нацисты вторглись в Крым, угрожают Кавказу, Ленинграду и Москве, англичане — беспорочно» — наблюдают, но

Фейхтвангер выражает крайнее удивление, когда кто-нибудь сомневается в том, что русские победят. Сомнение в этом кажется ему чистым абсурдом. Я очень этому рад». Гордо-стью и верой проникнута запись в том же дневнике от 12 апреля 1942 года: «И день и ночь на заснеженных полях под Смоленском бушует бой за достоинство человека».

Вернувшись летом 1949 года в Германию, он поселился в Берлине и отдавал «свой могучий талант и темперамент тай-ца делу строительства культуры новой Германии. В тесном сотрудничестве с интеллигентной молодежью немецкого рабочего-крестьянского государства он создал всемирно знаменитый театр «Бер-

линер ансамбль», неоднократно гастролировавший и в нашей стране. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», он до конца своей жизни шел в первой шеренге тех, кто неустанно борется за победу сил разума и прогресса.

Письма Брехта, существенно расширяя наши представления об эстетических и политических взглядах художника, о культурной жизни того времени, вместе с тем чрезвычайно актуальны и сейчас. Спустя десятилетия после написания они активно участвуют во всех битах времени, включая главную битву наших дней — против уничтожения человечества в атомной войне.

Итак, я хочу привлечь внимание возможно большего числа людей к тому, с каким исключительным усердием я изучал и усваивал Ваши литературные произведения и многочисленные новшества, внесенные Вами в рассмотрение и изображение окружающего нас мира и людского сообщества. Я не представляю себе, как может человек, собирающийся заняться описанием процессов, происходящих в больших массах людей, обойтись без изучения Вашей новаторской в этой области изобразительной техники. В описании места индивидуума в массовых событиях и его развития Вы также обогатили эпiku совершенно новыми точками зрения. Большое значение для эпик имеет, по моему, и Ваша теория автономии частей, и Ваше отношение к феномену соперничества. Я, естественно, понимаю, что подобными замечаниями технического свойства я противопоставляю себя поборникам традиционных эстетик, но это необходимо в интересах той литературы, которая ставит себе целью показать общественный характер сосуществования лю-

«Этой столь удачной форме монографии и «внутреннего» монолога? Мне кажется, эта форма не поддается износу, уж очень она плодотворна. Где бы я ни читал «Речь», я видел, как велик спрос на эту форму, в первую очередь среди рабочих. Именно они особенно ценят политическую элегантность и убийственное остроумие этого метода: остроумие придает им ту независимость, которая необходима для борьбы. Я пишу это не только как один из издателей журнала «Дас Ворт», который, конечно, был бы счастлив получить от Вас подобное произведение, но и в равной степени как читатель. Однако хочу Вас заверить: мое страстное желание (это чувство действительно никак иначе не назовешь), чтобы Вы и впредь пользовались именно этой формой, никоим образом не означает, что другие вещи в Вашей книге не произвели на меня глубокого впечатления.

С самыми сердечными приветами
Ваш Бертольт Брехт
Сковостранд, 3.3.39

Томасу Манну
Глубокоуважаемый господин Манн, Вы знаете, как мне дороги Ваши попытки добиться объединения немецких антифашистов в изгнании — ведь именно разлад между большими рабочими партиями Республики главным образом и позволил Гитлеру захватить власть. Поскольку я знаю, сколь много Вы можете сделать для объединения, я считаю своим долгом сообщить Вам о прискорбнейшем недомогании, в которое ввергло всех, с кем я разговаривал после встречи. Ваше столь подчеркнутое сомнение в том, что существует сильное противоречие между гитлеровским режимом с его приспешниками и демократическими силами в Германии. Представители ведущих рабочих партий и Пауль Тиллих, даживший глубоко религиозным чувством, не считают себя ни вправо; ни обязанными выступить судьями немецкого народа, они скорее видят свое место на скамье защиты. Преступления гитлеровской Германии очевидны, и мы, изгнанники, были первыми, кто раскрыл их и призвал к противодействию мир, долгое время пребывавший в состоянии неверия или безучастности. Но мы также знаем и о преступлениях этих чудовищ по отношению к собственному народу, и о сопротивлении, которое этот, наш, народ оказывал режиму. Война, которую ведут немцы, с ужасающей ясностью показывает, что физический террор режима чудовищно изуродовал духовный и моральный облик подвергнутых ему людей. Однако только до 1942 года более 300 000 людей в Германии пострадало своей жизнью в невидимой, по преимуществу, борьбе против режима, и не менее 200 000 активных антифашистов сидели в нацистских в гитлеровских концентрационных лагерях. Еще сегодня противники Гитлера в Германии отпекают более пятидесяти дивизий гитлеровских отборных войск, так называемых СС. Это не такой уж малый вклад в дело ниспровержения Гитлера. По отношению к этим борцам мы — те, кто может сделать гораздо меньше их, — несем, я считаю, тяжелую ответственность. Я также установил, что все наши друзья серьезно

опасаются, что Вы, глубокоуважаемый господин Манн, Вы, к кому Америка прислушивается больше, чем к кому бы то ни было из нас, можете укрепить сомнения в том, существуют ли значительные демократические силы в Германии, — а ведь будущее не только Германии, но и всей Европы зависит от того, помогут ли этим силам победить. Я пишу это письмо, ибо искренне убежден, что было бы очень важно, если бы Вы могли успокоить наших друзей по поводу Вашей позиции в этом наиважнейшем вопросе.

Нью-Йорк, 1.12.43

Ваш Бертольт Брехт

Бертольд Фиртелю *
«Я ломаю себе голову, действительно ли сейчас целесообразна постановка («Страха и отчаяния в третьей империи»). Выявление «здорового ядра» в немецком народе, которое все еще заключено в достаточно крепкую скорлупу, приобретает в США совсем особое значение. Дело ведь не в том, что нужно только удалить рак нацизма — и здоровое, ценное, «настоящее» вновь возродится. (Ведь и о человеке тоже нельзя сказать: он «здоров, только у него рак».) Теория о здоровом ядре практически свелась бы к тому, что бы западные демократии учредили в Германии «здоровый», порядочный, неагрессивный, бескризисный и уютный капитализм (с читательскими кружками, запретом на униформы, пребыванием на свежем воздухе и т. д.). В действительности же — из этого всегда надо исходить — нацизм можно подавить только подавлением немецкой буржуазии, а то, что за все расплачивается пролетариат, — это само собой разумеется... Наилучшая защита для невинных — атаковать виновных. В конце концов невинные меньше помогли народам, на которые напал Гитлер, чем им причинили вред виновные; теперь их считают совиновыми, потому что они не смогли сами себе помочь. Если отношение к совиновым станет мягче, то лишь потому, что к ним прикрывают те виновные, которые заблуждались. Короче говоря, мы не должны делать ничего, что могло бы помешать тотальному подавлению всей немецкой буржуазии (включая физиков, учителей, судей из «Страха и отчаяния»). Пролетариаты должны сами себе помочь.

Сердечно Ваш Б.
Санта-Моника, февраль — март 1943

Бертольд Фиртелю
«Тайная мысль «Дайте нам только взяться за дело» не должна мешать представлять борьбу с нацизмом как необычайно трудную задачу, решить которую без насилия столь же невозможно, как и одним лишь насилием. Важный психологический факт в том, что Объединенные Нации вышли на бой не ради спасения немецкого народа, а для уничтожения немецкого нацизма. Наша задача — превратить второе в первое.

Сердечно Ваш старый Б.
Санта-Моника, март 1945

* Бертольд Фиртелю (1885—1953) — австрийский режиссер.

Вступление, составление и перевод с немецкого Е. КАЦЕВОЙ

Впервые на русском языке

Томасу Манну

Глубокоуважаемый господин доктор Манн, позвольте сообщить Вам, что Ваша позиция по отношению к немецким рабочим в столь критический момент воспринята с большим и подлинным уважением моими друзьями, с которыми я разговаривал в Берлине, Праге, Вене и Цюрихе. Я пишу Вам об этом потому, что Ваше заявление, благодаря которому немецкая литература сохраняет свое лицо, вызвало, как известно, множество нападок на Вас и даже личные угрозы в Ваш адрес и потому, что, как я полагаю, Вы вряд ли можете знать — из-за всеобщего запугивания прогрессивной буржуазии — какое влияние оказывает Ваша солидарность с большой частью нашего угнетенного народа.

Преданный Вам Бертольт Брехт
Лусано, конец марта 1933

Иоганнесу Р. Бехеру

Дорогой Бехер, побывав в Праге, Вене, Цюрихе, Париже, Лусано и Дании, я еще яснее понял, как важна и совершенно необходима представительная встреча нескольких коллег, на которой были бы окончательно определены формы и методы нашей будущей работы.

Почти всюду я встретил сильнейшее учинение и смещение. Разлученные с пролетариатом, все больше и больше занятые только заработком средств к существованию, что неизбежно связано с компромиссами во всех важных делах, к тому же разрозненные по отдаленным друг от друга городам, — пролетарские писатели лишь с очень большим трудом могут продолжать заниматься революционным творчеством. Они уже теперь задумывают безобидные детские книжки, «замаскированные» романы для буржуазных изда-

В феврале 1933 года в Берлине был созван Конгресс культуры, сразу же запрещенный нацистами. Здесь было зачитано заявление Томаса Манна, в котором он высказался за социализм, хотя и в абстрактном, общегуманистическом духе.

Вот уже на протяжении двадцати лет имя Винчен-та Шиккулы постоянно находится в центре читательского внимания в Чехословакии; проза его переведена на многие иностранные языки. На русском вышел детский повесть писателя «Каникулы с дядюшкой Рафаэлем», сборник «Не аплодируйте на концертах», трилогия «Мастера»; вскоре в библиотеке журнала «Искусственная литература» появится повесть «Сондаты», том избранного готовится в издательстве «Художественная литература».

Главная книга Шиккулы, конечно, — трилогия «Мастера», созданная во второй половине 70-х годов и посвященная антифашистскому Словацкому национальному восстанию. Место действия составивших трилогию романов «Мастера», «Герань» и «Вильма» — родная для Шиккулы Западная Словакия, которая в меньшей степени, чем другие области, была охвачена пламенем восстания. Однако и здесь, на «периферии» восстания, тоже заметно ощущался его жар, пробуждавший социальную активность масс. Несомненная заслуга писателя в том, что он не только поведал «сагу» о мастерах Гульдана и трех его сыновьях, но сумел запечатлеть движение истории в народе и роль народа в движении истории.

Новаторство Шиккулы отчётливо проявилось в самом типе повествования. Он виртуозно владеет сказово-притчевой формой, пишет сочным языком, ис-

Бертольт БРЕХТ

БОЙ ЗА ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

СТРАНИЦЫ ИЗ ПИСЕМ

тества, пошлые фильмы для буржуазных фирм и т. д. Немногие из них, кажется, надеются на создание пролетарских издательств, которые позволят им продержаться в финансовом смысле.

Левые буржуазные писатели в целом настроиваются на длительный период эмиграции, вероятно, еще зондируют возможности возвращения и не имеют своей позиции в борьбе с фашизмом. Но их не осматривает, если лишь время от времени брать взаимы их имя для какого-либо мероприятия. Как раз то обстоятельство, что в настоящее время они страдают от отсутствия позиции и от беззащитности, дает нам определенный шанс, время для использования которого, конечно, ограничено. Тезис, будто их в принципе надо оставить в покое, чтобы не потерять их симпатии, сейчас еще более ложный, чем когда бы то ни было. Если это вообще возможно, то именно сейчас самое подходящее время для подлинного политического воспитания...

Эрвину Пискатору *

Дорогой Пис, в ближайшие дни пошлю тебе цикл небольших и совсем маленьких сцен, которые я объединил общим названием «Страх и отчаяние в третьей империи». Для постановки можно, разумеется, выбрать и другое название, скажем, «Немецкий смотр войскам». Я думаю, что для Америки это нечто в высшей степени подходящее. Весь мир задается вопросом, может ли, каким образом и как долго Гитлер вести войну. И так называемые демократы очень интересуются,

* Эрвин Пискатор (1893—1986) — немецкий режиссер.

какое влияние оказывает диктатура свастик на различные слои. Пьеса в девятнадцати сценах (можно прибавить еще несколько) показывает все слои в полперечном разрезе. Террор и сопротивление во всех слоях. Ты можешь включить и документальный материал. Стиль мне представляется похожим на графику Гойи о гражданской войне...

Сковостранд, март — апрель 1938

Альфреду Дёблину

Дорогой Дёблин, поскольку совершенно безразлично, в какой день благодарности за полученное, это вполне можно сделать и в Ваш день рождения, в один из Ваших дней рождения. Позвольте мне в этот Ваш день рождения, остаюсь верным обычаям, поговорить о себе.

ЭТИ ДАТЫ — ВЕХИ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: 8 мая — День освобождения немецкого народа от фашизма. 9 мая — освобождение Чехословакии от фашистских захватчиков

— Чем объясняется ваш столь нетрадиционный подход к ставшей уже традиционной для словесной литературы теме восстания?

— Как и моим предшественникам, мне прежде всего хотелось показать, что, хотя с той поры минуло много лет, восстание живо в нас. Мой несколько отклоняющийся от других способов художественного воплощения этого важнейшего события национальной истории во многом объясняется тем, что сам я в восстании по молодости лет не участвовал. Я родился в 1936 году и тогда еще только ходил в школу. В семье нашей — наверное, самой бедной во всей деревне — было двенадцать детей. Мой самый старший брат был военным музыкантом, и поскольку мы жили очень бедно, и по моему жалованью он посылал домой. А когда брат ушел к повстанцам, мы сразу почувствовали отсутствие его грошей. Так же было и в других семье-

мы кого-то любим, а он умирает, боль в сердце остается, хотя его могила и заросла травой. А если он не погиб, но вернулся домой инвалидом и жена и дети за ним ухаживают, — разве это не героизм? Разве не может и сам такой человек быть героем, в мирное время?

Война, я думаю, не потому лишь была великой, что на ее полях пало множество людей, что она потребовала от наций колоссального напряжения сил для разгрома фашизма, но и потому еще, что подлинное величие духа проявили тогда миллионы обыкновенных мужчин, женщин и детей. Величие не только в гибели или в победе. Победитель, поднимающий киркой своего разрушенного дома, охвачен как радостью победы, так и богатой печалью, и он хорошо знает, куда и как этот кирпич правильно уложить.

— Прежде чем приступить к своей трилогии, вы прошли солидную «школу»

что исправить, а это требует времени. Да и с романом дело обстоит не иначе. Когда роман разрастается не только шири, но и глубиной, а так это и должно быть, каждая глава в нем вряд ли требует меньше времени для отделки, чем рассказ.

Всегда, когда бьюсь над главой романа, я говорю себе: если бы работал над рассказом, давно бы уже его кончил. А вот когда я сижу над рассказом, то нередко злюсь — почему я не взялся за роман? Возможно, уже было бы готово несколько глав! Впрочем, время, а главное образом работа, в ходе которой выявляют и такие минуты отчаяния, уже давно научили меня, что нет ничего легкого, если, конечно, относиться к своему труду серьезно.

— Известно, что вы профессиональный музыкант. Во всех ваших произведениях присутствует стихия музыки, сказывается ваше образование и пристрастие. Неплохо роль играет музыка сегодня в вашей жизни и работе?

— Окончил я консерваторию по классу духовых. Живя в Модре, маленьком городке, иногда во время свадебных церемоний играю на органе. Изучал игру на валторне, но куда пойдешь с валторной? Иногда меня приглашают в дере-

кажутся более выразительными. А иногда в том или ином месте я умышленно задерживаюсь и играю с-мыслию, как с мелодией, — ведь речь состоит из звуков, а со звуками можно делать все что угодно. Нередко я думаю, что неплохо бы написать книжку, которая звучала бы как музыкальное произведение, и не ради забавы.

Писатель всегда ведет свое произведение к какой-нибудь великой или хотя бы большой правде. И вот когда он мучается над своей книгой, когда он ищет слова, составляя их так и этак, ощущает их и вслушивается в них; не забывая при этом о ритме, то еще прекраснее начинать звучать и та правда, которую он хочет выразить. Читателю вовсе не нужно все это замечать. Ведь когда мы идем в концерт, мы не берем с собой партитуру, однако писатель, как и композитор, должен работать так, будто все слушали в партитуре разбираются.

— Вы работаете редактором в издательстве. Помогает это вам или тормозит вашу писательскую деятельность? Влияет ли на процесс творчества?

— Конечно, моему писательству это нисколько не помогает. Работа в издательстве скорее гонит меня от письменного стола, к тому же я еще трачу немало времени на поездки в Братиславу, где находится издательство. Какое-то время назад я попытался, взяв отпуск, жить отшельником на хуторе. Но хотя это и позволило больше сосредоточиться над собственной рукописью, я не был абсолютно удовлетворен. Не хватало мне людей, особенно друзей, с которыми мы понимаем друг друга, мне было мало того, что они приезжали лишь в гости.

Время, которое отнимаю у меня работа в редакции, на деле не оказывается для меня потерянными. Да и сам я — об этом говорят мои коллеги — небесполезен в редакции. Ведь там, где издуются книги, остро необходимы писатели. Творческий труд дает им гораздо более богатый опыт, чем тот, который обладает обычный редактор. Вкус писателя сказывается и при отборе произведений других авторов — иными словами, он влияет на издательскую политику, а тем самым помогает формировать и читательский вкус, взгляды. А это не та работа, о которой можно сказать, что она не слишком полезна или менее значительна, чем литературный труд.

Святослав БЭЛЗА, специальный корреспондент «ЛГ»
БРАТИСЛАВА — МОСКВА

ГЕРОИ ВИНЧЕНТА ШИКУЛЫ

хвостов, имена доблестных и мезгавцев, имена благородных и воров, героев и предателей, а вот имена обыкновенных, самых обыкновенных людей, что никогда не помышляли стать святыми или героями, предаются забвению, после них остаются щели, унаследованные щели, которые мы должны закрывать словами: рабы, солдаты, крепостные, крестьяне, рабочий класс. Или крестьянина, что тысячелетия назад вырабатывал хлеб, неведомо нам, но имя того, кто хлеб этот габил или губил мечом и дубиной, блещет во всей красе, и горе тому школьнику, который его не запомнит!

Именно такие «самые обыкновенные люди» и находятся в центре внимания Шиккулы. Писатель вывел на страницы трилогии неприметных, «негероических» участников антифашистского Сопротивления и показал, какой «будничный» героизм требовался порой от тех, кто непосредственно не участвовал в вооруженной борьбе с врагом. Ему удалось найти оригинальный ракурс изображения, что позволило внести немало свежих штрихов в ту картину восстания, которая создается в послевоенные годы искусством Словакии.

С вопроса о трилогии и началась наша беседа с Винцентом Шиккулой.

рассказа. Продолжают ли вас сейчас привлекать малые формы прозы? И в чем вы видите преимущества романов?

— Рассказы по-прежнему пишу и люблю это жанр. Жаль, не всегда хватает времени и усердия их доработать. Мне кажется, что рассказ как небольшое произведение и внешне должен выглядеть красиво — писателю надо заботиться о том, чтобы каждая фраза сидела в нем как влитая, каждую фразу необходимо тщательно оттачивать. Я уже не ученик и не могу позволить себе ни самому опозориться, ни опозорить своих учителей (а их у меня было достаточно, в том числе и из русской литературы).

Поэтому те рассказы, которые уже давно написаны, я нередко откладываю, не публикую, мне кажется — есть еще в них

венский духовой оркестр, тогда играю там на басовом корнет-а-пистоне. Несколько раз у меня неплохо получалось и на геликоне.

Да, когда я пишу, во мне не умирает и моя прошлая профессия: нет-нет, да и примешается к словам мелодия, но бывает и наоборот — сначала приходит мелодия, а потом уж я подписываю к ней слова: сколько раз мелодия была для меня речкой, несущей слова, диктующей и ритм. Но поскольку в процессе письма для меня важна прежде всего мысль, то, переделывая роман или рассказ, я нередко заметаю тропинки или просто схожу с тех, по которым бродил раньше, — и все оттого, что в ходе работы наталкиваешься на иные возможности, которые